

Л. А. Калинин

МОРАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА
ПРОТИВ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
МОРАЛИЗМА —
ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА
В РОЖДЕСТВЕННОЙ СКАЗКЕ
Э. Т. А. ГОФМАНА
«МАСТЕР БЛОХА»

Статья 1

Показано, что Э.Т.А. Гофман оценивал посленаполеоновскую политику Пруссии в своей рождественской сказке «Мастер Блоха» с кантианских философско-политических позиций. Кардинальная проблема сказки, представленная в «Halle-горическом и Jena-логическом» стиле, как его определил сам Гофман, есть проблема конституционного строя для Пруссии.

In the paper it is shown that E.T.A. Hoffmann has been valuing the post-Napoleon politics of Prussia in the Christmas tale "Meister Floh" from the Kantian position. The cardinal problem of the tale – shown in "Halle-gorisch und Jena-logisch" manner how Hoffmann himself had characterized his style – is the problem of constitution for Prussia.

Ключевые слова: моральная политика, политический морализм, демагогия, качество населения, категорический императив права, деспотия, правление отеческое (*imperium paternale*) правление отечественное (*imperium patrioticum*).

Key words: moral politics, political moralism, demagogu, quality of population, categorical imperative of law, despotism, paternal government (*imperium paternale*), patriotic government (*imperium patrioticum*).

...Какой бы фантастический бред ни пришел бы в голову автору, ему от этого очень мало пользы, если он не осветит его лучом рассудка и не сплетет предварительно разумного основания для всего произведения. Ясная спокойная мысль, положенная в основу, нужнее всего для такого рода произведений, потому что чем свободнее и фантастичнее мечутся во все стороны образы, тем тверже должно быть заложено основное зерно.

Э.Т.А. Гофман. Серапионовы братья. 4.1

Государственная юридическая служба и искусство плохо совмещались в душе Э.Т.А. Гофмана: желанное искусство не могло обеспечить существование семьи, а нежеланная служба судейского чиновника препятствовала занятиям искусством.

Что другое могло развиваться в таком положении, кроме горькой язвительности, ироничной отрешенности от наступающей прозы жизни? Но как возможно это для человека, настроенного юмористически оптимистично, для предельно честного и высоконравственного члена юридической корпорации? Все это вынуждено было в нем уживаться. Казалось бы, деятельность судьи могла бы обеспечить его занимательными сюжетами, но юридические казусы редко становились предметом его творческих интересов. Какое-то исключение составляет разве что новелла «Мадемуазель де Сюдери», где сплавлены в одно целое искусство ювелирное и следственное, однако интерес и здесь сосредоточен на психологии творца. Душа художника стремилась как можно быстрее оставить мир ежедневной судейской рутины и переселиться в иные края, где ожидала его Ундина, где встречался он с кавалером Глюком, Сальватором Роза или Альбрехтом Дюрером... Короче, не было особого проку от судейской писанины искусству, а вот судейской службе — совсем даже наоборот: документы деловые выходили из его рук на загляденье дельные, юридически точные, нравственно выверенные, стилистически складные, напрочь лишённые канцелярско-чиновничьей серости и невыразительности. Поэтому в профессиональной среде Гофмана умели ценить. Душевные его борения — *миллион терзаний*, вызванных противостоянием службы и творчества, — прекрасно выразил санкт-петербургский поэт А. С. Кушнер в остроумном стихотворении, названном именем великого писателя из Кёнигсберга:

Одну минуточку, я что хотел спросить:
Легко ли Гофману три имени носить?
О, горевать и уставать за трех людей
Тому, кто Эрнст, и Теодор, и Амадей.
Эрнст — только винтик, канцелярии юрист,
Он за листом в суде марает новый лист,
Не рисовать, не сочинять ему, не петь —
В бюрократической машине той скрипеть.

Скрипеть, потеть, смягчать кому-то приговор.
Куда удачливее Эрнста Теодор.
Придя домой, преодолевая боль в плече,
Он пишет повести ночами при свече.
Он пишет повести, а сердцу все грустней.
Тогда приходит к Теодору Амадей,
Гость удивительный и самый дорогой.
Он, словно Моцарт, машет в воздухе рукой...

На Фридрихштрассе Гофман кофе пьет и ест.
«На Фридрихштрассе», — говорит тихонько Эрнст.
«Ах нет, направо!» — умоляет Теодор.
«Идем налево, — оба слышат, — и во двор».
Играет флейта еле-еле во дворе,
Как будто школьник водит пальцем в букваре.
«Но все равно она, — вздыхает Амадей, —
Судебных записей милей и повестей» [6, с. 208]

Надо бы имя Вильгельм, которое Гофман заменил именем Амадей, использовать в логической структуре стихотворения для нелюбимой деятельности Гофмана-юриста. Тогда весь набор гофмановских имен оказался

бы при деле: имя Эрнст пусть выражает ипостась живописца и графика, Теодор — писателя, а Амадей, — конечно же, музыканта. Поскольку Гофман — не Бог, то он выразил свою суть не в трех, а в четырех лицах.

1. Невольная политическая «карьеря»

Поскольку советник апелляционного суда Гофман является не просто государственным служащим, но и членом Непосредственной следственной комиссии, он не только в высшей степени нарушил надлежащее почтение и верность Его величеству королю, пытаясь представить в смешном виде и скомпрометировать, в конечном же счете сделать предметом злобной сатиры и клеветы те высочайшие предписания, которые сам он обязан был исполнять. К сему поступку присовокупил он также нарушение верности служебному долгу, предание нежелательной гласности документов и официальных бумаг, в связи с чем проявил себя как позабывший честь, в высшей степени неблагонадежный и даже опасный государственный чиновник.

Из письма от 4 февраля 1822 г. министра внутренних дел и полиции Фридриха Шукмана, подготовленного шефом полиции К.А. фон Кампцем, государственному канцлеру князю Карлу фон Гарденбергу.

Увлеченный творчеством, поначалу музыкальным, а затем все больше литературным, Гофман тщательно сторонился политики, сторонился даже тогда, когда она его настигла (наполеоновские войска оказались в Варшаве, а Гофман — не у дел) и грубо вмешалась в жизнь. Он вынужден был скрываться от нее. На какое-то время это удалось. Но ускользнуть от политики в итоге, как ни старался, великий автор «Фантазий в манере Калло» и «Серапионовых братьев» не сумел: будучи сама, как правило, лицемерной и консервативной, эта дама в соответствии со своим изуверским характером отыгрывается почему-то на людях безукоризненно честных и прогрессивно настроенных. Этим бедолагам достаются от нее по какой-то извращенной логике синяки да шишки, а пироги да пышки — люду совсем иного рода. Окончательное водворение в Берлине, где писатель провел восемь последних лет жизни, как казалось, складывалось наконец-то счастливо для него, поскольку, начав свою чиновничью карьеру во второй раз с сотрудника апелляционного суда *cum voto consultativo*, то есть лишь с совещательным голосом и без жалованья, он сравнительно быстро стал продвигаться по служебной лестнице, дойдя до членства в Высшем апелляционном сенате при королевском апелляционном суде. Оказалось, что как профессиональный юрист Гофман не менее талантлив, чем во вдохновенных делах, которыми ведают музы. Этот талант был наследственным, пожалуй, еще в большей мере. К тому же юридический дар получил профессиональную опору в стенах Кантовой правоведческой школы.

Здесь, в стенах Альбертины, будущий советник апелляционного суда настолько пропитался духом моральных оснований права, что ни выветрить, ни даже выбить этот дух из него оказалось невозможным. Из уст своего учителя слушал он такие вдохновляющие юность слова: «Делать пра-

вые поступки своей максимой — это требование, предъявляемое мне этикой. — Итак, всеобщий правовой закон гласит: поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, *сообразной со всеобщим законом*» [5, с. 140] (курсив мой. — Л. К.). Всеобщий правовой закон, как видим, обязан быть сообразован со всеобщим законом, дающимся нам *этикой*, то есть с *категорическим императивом морали*. А этот последний мог быть выражен Кантом в следующей формуле: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого также как к цели и никогда не относился бы к нему только как к средству» [4, с. 270]. Звучало для него в университетской аудитории и рассуждение профессора, оказавшееся ключевым в жизненной судьбе и завершившем ее — судьбу — карьерном крахе: «Все неправо препятствует свободе, сообразной со всеобщим законом... Следовательно, когда определенное проявление свободы само оказывается препятствием к свободе, сообразной со всеобщими законами (т.е. неправым), тогда направленное против такого применения принуждение как *то, что воспрепятствует препятствию для свободы*, совместимо со свободой, сообразной со всеобщими законами, т.е. бывает правым; стало быть, по закону противоречия с правом также связано правомочие применять принуждение к тому, кто наносит ущерб этому праву» [5, с. 140–141]. Когда министры королевского правительства свою свободу начали использовать неправовым образом, Гофман этому решительно воспротивился и стоял на своем, практически насмерть, следуя суждениям воспитавшего его профессора. *Принудить* их вернуться на путь права Гофман не смог, но считал своим долгом это делать до конца. Явно такие речи и имел в виду Э. Т. А. Гофман, когда, обсуждая с псом Берганцей проблемы памяти, заметил, что есть ситуации, в которых для запоминания навсегда решительных для жизни тезисов не надо много раз повторять: «...надо сказать, что со словами и речами, которые *глубоко проникают в душу и которые ты впитываешь в себя до сокровенных глубин сознания* (курсив мой. — Л. К.), дело... обстоит иначе, нежели с вокабулами, выученными наизусть» [3, с. 105]. Естественно, что Гофман сформировался как юрист-кантианец, руководствующийся кантовскими принципами философии права в своей деятельности государственного чиновника. Он остался верен принципам учителя даже тогда, когда государство стало вынуждать его отказаться от этих принципов подлинного права в ряде политических процессов (против так называемых «демагогов»), стало заставлять покрывать душой в неправосудных действиях, в результате чего само государство становилось бы неправым, поддайся он на это давление. Судья Гофман встал на защиту чести прусского государства, которой оказались способны пренебречь не только министры правительства, но и сам король. Судья апелляционного суда, столкнувшись с проявлением неправосудной свободы государства, оказавшейся препятствием к свободе граждан, сообразной со всеобщими законами, встал на защиту последних против деспотической свободы государственной власти и оказался прав. Увы, прав — с точки зрения идеи права и правосознания нас, его потомков, которые сейчас восхищаются поведением Гофмана в этой трагической для него ситуации. И тогда — в 1820–1822 гг. — общественное мнение Берлина было на стороне Гофмана, но это не заставило государственные власти одуматься, не помешало им учинить политически-полицейскую расправу с великим писателем, правдо- и праволюбом и образцовым судьей, не состоявшуюся в

полной мере только по причине его преждевременной смерти. Правительства различных государств — и Пруссия XIX в. не из ряда вон — часто попирают право в стремлении удержать власть; у нас это сейчас называется *административным ресурсом*. Гофман делал все от него зависящее, чтобы «нанести ущерб» такому обращению с правом, следуя завету Канта, но даром этот героизм не доставался и не достается ни Гофману, ни кому-либо иному до сих пор. Героическая борьба Э. Т. А. Гофмана с государственным деспотизмом в процессах прусского правительства против «демагогов» хорошо известна. Если единственной виной человека оказывались его взгляды, несогласие с политикой реставрации донаполеоновских порядков, насаждаемых Пруссией, ревностно проводящей в жизнь реакционные идеи Священного союза, Гофман оправдывал такого человека и отстаивал его полную невиновность, как бы ни хотело обратного государственное обвинение.

Начиная с директора полиции Карла Альберта фон Кампца, постепенно в борьбу против Гофмана втягивались министр внутренних дел и полиции Фридрих фон Шукман, министр юстиции Фридрих Леопольд фон Кирхэйзен, далее государственный канцлер князь Карл фон Гарденберг и, наконец, сам король Фридрих Вильгельм III. Поводом для преследования Гофмана и отстранения его от безусловно исполняемых им обязанностей советника апелляционного суда послужила сказка «Мастер Блоха». Недовольство правительственных чиновников творчеством Гофмана нарастало по мере появления «Крошки Цахеса», затем глав о бурше-ских годах кота Мурра — по мере того, как все более острые социально-политические вопросы становились предметом гофмановского пера. Но такова уж логика великого творчества: обращаться к кардинальным и вечным вопросам, приобретшим *hic et nunc* обостренную форму, от сиюминутной реакции общества на которые зависит его дальнейшее историческое движение вперед или в летаргию стагнации. Великие души не умеют обходить стороной больших общественных проблем, отойти в сторону. История, приключившаяся с автором «Повелителя блох», — это зеркальное отражение сюжета сказки, а оно, как известно, *правое* превращает в *левое* и наоборот. Герой сказки отделался легким испугом, чего не скажешь об ее авторе. Нет нужды подробно описывать все обстоятельства и стадии политического преследования Гофмана правительством Фридриха Вильгельма III: оно хорошо известно¹. Перед нами урок «моральной политики», преподанной гражданином своему государству, беззащитно занятому проведением в жизнь *«политического морализма»*. Эти термины Канта из его великого трактата «К вечному миру» здесь как нигде более кстати. Однако урок этот обошелся Гофману дорого.

Своему назначению членом «Непосредственной следственной комиссии по расследованию антигосударственных связей и других опасных происков», учрежденной распоряжением короля Фридриха Вильгельма III 1 октября 1819 г., Гофман обязан тем, что оказался в горниле политических страстей, сам того не желая. Конфликт с реакционной политикой

¹ См. документы «дела» Гофмана, организованного правительством Пруссии, в [8]; см. также [7]. В этой одной из последних биографий писателя его деятельность судьи, новаторский подход к юриспруденции и конфликт с полицейски-чиновничьим государственным аппаратом Пруссии обстоятельно изложены.

прусских государственных властей был неизбежным, так как кантианец Гофман исходил из убеждения в необходимости для государства быть *правовым*, из уверенности в *независимости* судебной власти от исполнительной, из сознания благодетельности для государства моральной политики и ущербности *политического морализма*. На деле же он встретился с неприкрытым лицемерием высших государственных чиновников и *стыдливым* лицемерием короля.

В наказе членам «Непосредственной комиссии» король предупреждал их о необходимости соблюдать справедливость и избегать любых нарушений правовых норм, добиваясь безопасности и общественного спокойствия государства. Видимо, совесть все же мучила королевскую душу, поскольку он клятвенно обещал ввести в Пруссии конституцию, но слова не сдержал, по сути дела, оказался болтуном, полностью подчинившись политике Священного союза, делами которого всецело заправлял Меттерних от имени русского и австрийского дворов. Сейчас бы сказали, что Фридрих Вильгельм III спустил дело об учреждении конституции потихому на тормозах. По всей вероятности, король понимал, что именно он и никто иной сыграл роль *настоящего демагога*, а вовсе не те люди, большинство из которых называются так облыжно. «Демагогическими» прописками и кознями стали называть в официальных кругах действия тех прогрессивных слоев общества, которые протестовали против политики, проводящейся в Европе после Венского конгресса (1815). Самыми активными были здесь студенческие союзы — буршеншафты, — вызванные к жизни патриотическим движением против французской оккупации и массовым участием в сражениях против войск Наполеона. Один раз решив судьбу отечества, студенты хотели и дальше принимать участие в его устройении. Вартбургские праздники 18 октября 1817 г., где особенно проявили себя буршеншафты университетов Йены и Галле, стали самым ярким таким действием, окончательно перепугавшим власти.

Не менее активными были спортивные союзы, как грибы после дождя выроставшие в тех же университетах, в их числе и гимнастическое движение, организованное доктором Фридрихом Людвигом Яном и ставившее целью формировать здоровых, сильных, свободных духом, жизнерадостных, добродушно-благочестивых «немецких богатырей» (что властями читалось, как ... бунтарей, получивших к тому же солдатские навыки). Этим они вдвое были страшней и опасней. И хотя Э.Т.А. Гофман как член высшего апелляционного суда давал заключение о полной безвредности (а напротив — полезности для государства и общества) гимнастических союзов Фр. Л. Яна, готовил вместе с подсудимым апелляцию и суд не мог доказать какую-либо вину Яна, последний оставался в тюрьме, а его союзы — под запретом. Его лишь переводили из одной тюрьмы в другую. Гофман был в этом случае бессилен, хотя в ряде процессов против «демагогов» он добивался оправдательных приговоров вопреки упорному противодействию «силовых» министров, благодаря чему отношения между ними и Гофманом перешли в открытую войну. «Демагогом» объявлялся любой недовольный возвращением старых порядков граждан, требующий от государства демократизации общественной жизни.

На руку властям оказалось убийство студентом Карлом Зандом агента Священного союза писателя Августа фон Коцебу, совершенное 23 марта 1819 г. По Карлсбадским постановлениям, появившимся вследствие этого,

репрессии против демократов возросли: ужесточилась цензура, участились аресты по малейшему доносу, была установлена тотальная слежка. К чести юриста-писателя, Гофман всеми силами противостоял окончательному сползанию прусского государства в неправовую пропасть, делая заключения по поступающим к нему делам о недопустимости наказывать человека за его образ мыслей, если он не совершил никаких юридически наказуемых действий. В общественном мнении Берлина писатель стал оцениваться как образцовый судья, справедливый и независимый, и обвиняемые всеми силами добивались, чтобы их дела попадали на заключение именно к нему.

Определенная законосообразность королевского распоряжения при учреждении «Непосредственной комиссии» вполне устраивала Гофмана. Как человек проницательный и опытный, он улавливал имеющиеся незначительные различия в настроениях короля и королевских министров. Вполне можно предположить, что на этом расхождении между королем и свитой Гофман сознательно решил играть и играл до поры до времени вполне успешно. Несмотря на враждебные отношения с министром, Гофман 8 октября 1821 г. получает даже повышение по службе, что, конечно же, без ведома короля сделано быть не могло: он переводится в Высший апелляционный сенат апелляционного суда, и это повлекло за собой повышение оклада, а самое главное — уменьшение числа рассматриваемых дел; и сил, и времени для творчества прибавилось.

Благоприятную возможность Гофман сумел использовать максимально. Одновременно с публикацией ряда менее ответственных сочинений он уже в декабре заканчивает второй том «Житейских воззрений кота Мурра...», начатый в августе, но подвигавшийся до назначения Гофмана сенатором плохо. Аналогично шла работа и над задуманной, видимо, в рождественские праздники 1821 г. рождественской сказкой, тема которой — «*der Kampf mit den dämagogischen Umtrieben* (борьба с демагогическими кознями) в *Halle-gorisch und Jena-logisch* стиле», первые страницы которой начали выходить из-под пера писателя только в ноябре, когда до Рождества 1822 г. оставалось около месяца.

2. Конец *Burschenschaft*'а юношей-котов и одного из его героев

Крепость лап, отважный взор.
Смелые идеи!
Мы, филистерам в укор,
Бурши-котофеи!

*Из песенного творчества
кота Мурра. II, 3*

И роман «Житейские воззрения кота Мурра...» не проходит мимо животрепещущей темы борьбы с демагогическими происками. Однако Гофман представляет здесь дело в виде рутинной борьбы полиции с традиционным студенческим дебоширством, связанным с нарушением общественного порядка: студенты дерутся сами и задирают прохожих. Горланят песни по ночам, нарушая покой добропорядочных граждан... Что дело рутинной, увы, не ограничивается, читатель узнает из описания гибели кота Муция от рук полицейских, завершившегося сценой его торжественного погребения. Мурр втягивается в кошачий буршеншафт и ведет жизнь типич-

ного бурша, которую решает благоразумно прекратить, как только обнаруживает, что это стало опасно.

Бравировать смелостью идей и купаться в лучах славы среди приятелей и подруг, дерзко выкрикивать свои лозунги под покровом ночи и даже играть в прятки с полицейскими шпицами в родных дворах — это одно, но вступить в серьезную борьбу, грозящую нештучными последствиями, с сильным, хорошо организованным и систематически действующим противником — это совсем другое.

Э. Т. А. Гофман иронически и даже сатирически относится к традиционным бытовым привычкам, нравам, обычаям буршей. В романе это стало основной тональностью. То, что студенческие союзы могут выражать и выражают прогрессивные общественные взгляды и требования, отодвинуто на задний план и проявляет себя лишь в качестве намеков. Та пирушка, на которой Мурр был принят в буршеский круг, даже и отдаленно не имеет ничего общего с политической сходкой — это бесшабашная студенческая попойка, на которой употреблялся «превосходный кошачий пунш». «Ежели развратный юноша испытает страстное желание узнать у меня рецепт восхитительного напитка, — предупреждает Мурр, — то я, к сожалению, не смогу в достаточной мере просветить его по этой части. Мне определенно известно только то, что чрезвычайно приятный вкус, а также и всепобеждающая сила этого напитка вызывается преимущественно здоровой примесью сельдяного рассола» [2, с. 288], под каковым, конечно же, надо иметь в виду этиловый спирт. Естественно, под руководством старшины Пуффа коты не только пили, но и пели, они горланили студенческие песни, начав, как и полагается, с «*Gaudeamus igitur*», а закончив браваурными частушками. Однако счел же Мурр благоразумным (как бы в оправдание свое — все же побаивался!) пояснить: «засим последовал известный церемониал, известные церемониальные обряды, о которых я, однако, умолчу, ибо благосклонный человек из числа моих сородичей, быть может, заподозрит меня в том, что я стал членом запрещенного ордена и, чего доброго, еще потребует у меня отчета. Клянусь честью, однако, что об ордене и его условиях, каковыми обычно являются статуты, тайные знаки и т. п., отнюдь не было речи, но что союз зиждился только лишь на одинаковости убеждения, на единомыслии. Ибо очень скоро выяснилось, что каждый из нас пил молоко охотней, чем воду, а жаркое ел куда охотнее, чем хлеб» [2, с. 288]. Как же искусно играет Гофман в кошки-мышки с читателем, ожидающим, что вот-вот проговорится его кот и ляпнет что-то откровенно-опасное и запретное! Но *напряженное* ожидание заканчивается банальной ерундой, ничем (точь-в-точь в соответствии с Кантовой теорией юмора): *отвага* и *смелость* находят выход лишь в буршеских потасовках и дуэлях — и «на когтях», и «на клыках». Над сценами дуэли Мурра и пестрым задирой не смеяться просто нельзя. Куда ближе к реальным политическим событиям оказываются «игры» котов-буршей со шпицами-полицейскими, возглавляемыми дворняжкой Ахиллесом. Решительные требования мясника, хозяина Ахиллеса, покончить раз и навсегда с ночными концертами котов, оборачивается для последних плачевно. И тризна по погибшему в этих *играх* коту Муцию, образу для всех буршей, с торжественной надгробной речью кандидата Гинцмана уже очень напоминает манифестацию студентов по поводу казни Карла Занда, состоявшейся 20 мая 1820 г. (Этот же эпизод имеет место и в сказке «Мастер Блоха», только в более изобретательной аллегорической форм.)

Правда, тризна завершилась танцами, трагедия тут же забылась; но охотников продолжать опасные игры больше не нашлось — буршеншафт распался, а Мурр делает попытку сблизиться с *филистерами*, носителями *вышей* культуры, но затея эта окончилась печально. Конечно, «Ахиллес» (шеф полиции Фр. фон Камц) роман несговорчивого, непреклонного и строжайшим образом следующего закону судьбы не мог воспринимать в качестве юмористического, однако приходилось, скрипя зубами, терпеть... ждать повода для расправы... А Гофман уже целый год обдумывал сказку «Мастер Блоха», мастерскую политическую сатиру, где пустил в ход всю свою «Халле-горию и Иена-логию».

Сюжетосложение сказки отличается удивительным мастерством. Это, пожалуй, высший шедевр Гофмана в этом отношении. Уж на что хитроумно построен роман о житейских воззрениях кота Мурра и музыканта Крейсера, но и он уступает по изобретательности сюжета этой сказке. Зачин и финал совершенно обычны для рождественской сказки, а вот препятствия, возникшие на пути героя к счастливой свадьбе, уникальны в таком благодушно бытовом жанре. Сказка политически злободневна, но столь ловко спрятаны Гофманом в необычную аллегорическую форму политические события в Пруссии в 1817–1822 гг. и их нелюбимая авторская оценка, что *силовые* министры и сам король смогли обвинить писателя как *демагога* только за неосторожное нарушение юридической должностной инструкции, в которой он не видел серьезного смысла, и это пришлось рассматривать как свидетельство политической неблагонадежности, хотя все понимали, что политика государственного аппарата по консервированию общественных отношений подвергнута Гофманом жесткому осмеянию.

Преследование правительством студенческих союзов, радикализирующее их и подталкивающее к экстремизму, в «Житейских воззрениях кота...» находится на периферии романа, но в «Мастере Блохе» — это одна из центральных проблем. Убийство Карлом Зандом осведомителя российского императора писателя Августа фон Коцебу нашло здесь прямое отражение. Аллегорическое изображение этого события представлено в изощреннейшей форме, в такой же форме это убийство поставлено в связь с гражданским движением за установление в Пруссии политических свобод и принятие обещанной королем *республиканской* конституции. Гофман, разумеется, термин *республика* понимал по-кантиански: государственный строй является республиканским при двух условиях: 1) при непрременном и строгом разделении властей законодательной, исполнительной и судебной и 2) при нахождении власти законодательной в руках народа (избираемого народом парламента). Король вполне может возглавлять исполнительную власть и нести представительные функции, однако монархия с законодательствующим парламентом — это республиканская форма правления. Аллегория сказочной повести (Гофман называет свое произведение то сказочной повестью, то небольшим романом с элементами сказки, то просто сказкой — и этому последнему названию явно отдает предпочтение) строится на буддизме, на буддийском понятии *сансары*, бесконечного, в принципе, на пути к просветленности и нирване перерождения живого существа, включающего и метемпсихоз, т.е. перерождение и психического строя этого существа. Гофман воспользовался идеей переходного состояния между двумя перевоплощениями, присутствующего в буддизме, истолковывая его так,

что в вечно изменчивом потоке мировых событий находящееся в переходном состоянии существо (тот или иной герой его сказки) предстает то в одном, то в другом своем виде, пока окончательно не завершится *кармическая* перестройка. Один ряд героев подвержен этим буддийским метаморфозам, другой же ряд преспокойно пребывает в реальном мире. Герои первого ряда трансмутируют из одного мира в другой, герои второго ряда всегда остаются сами собой.

Абсолютным ориентиром в реальном времени и пространстве является номинальный главный герой произведения, франкфуртский мещанин Перегринус Тис. Именно его жизнь, равно как жизнь его будущего тестя, переплетчика Лэммерхирта, и его прелестной и наделенной ангельской душой дочки Розочки, протекает в подлинно настоящем мире; сам он в своем бытии не имеет ни малейшего представления о каком-то предшествующем или последующем — согласно колесу сансары — существовании, полностью захвачен он текущими событиями, хотя случается ему видеть фантастические сны и вторгаются как-то нечаянно в его жизнь Мастер Блоха и другие люди, для Перегринуса совершенно обыкновенные и нормальные, а то, что они имеют еще отношение к миру, объясняемому буддизмом, для него остается неизвестным. В самом деле, можно ли знать: что свершается и свершается ли что-либо за пределами доступного нам горизонта?

Примером вот такого пребывающего в двух мирах героя выступает друг Перегринуса Тиса со студенческих лет в Йенском университете Георг Пепуш (в другой своей жизни — в буддийском перевоплощении — чертополох Цехерит, а в реальной политической жизни Пруссии, послужившей фактическим источником сказки, — Карл Занд). Чтобы догадливый читатель не смог принять его ни за кого другого как только за Занда, Гофман, по своему обыкновению, наделяет его соответствующей подсказывающей фамилией *Perush* (Пепуш). *Чертополох* к такой фамилии имеет прямое отношение: он своими жуткими колочками в буддийской преджизни заколол принца пиявок за то, что тот выпил почти всю кровь и совсем было умертвил принцессу Гамахею (дело происходило якобы в Фамагусте. Кровопийца принц пиявок — это и есть Август фон Коцебу, а причем здесь принцесса Гамахея, речь пойдет позднее). Конечно, фамилии своего героя Гофман придал германизированную форму *Perush*, но корень слова восходит к латинскому глаголу *pingo*, основное значение которого — *колоть, жалить*. Гофман воспользовался архаической и для латыни формой перфекта от этого глагола *perigi*, а это означает, что *Perush* есть то же самое, что *заколовший*. Такого рода филологические загадки у Гофмана не редкость. Пожалуй, чтобы завершить дело со сказочной судьбой Георга Пепуша, приведем картину его смерти на последней странице сказки: «Была полночь, когда вдруг бальзамический запах пышно-цветного *Cactus grandiflorus* наполнил весь обширный сад и весь дом. <...> На следующее утро... совершенно вне себя прибежал садовник, восклицая, что он не знает, что и подумать, но в саду появилось престранное чудо. Целую ночь снился ему цветущий *Cactus grandiflorus*, и только сейчас он узнал тому причину. Надо только пойти и посмотреть. Перегринус и Розочка сошли в сад. Посреди красивого боскета за ночь вырос высокий *Cactus grandiflorus*, его цветок поник, увянув в утренних лучах, а вокруг него любовно обвивался лилово-желтый тюльпан, умерший тою же смер-

тью растения» [1, с. 481]. Гофман, как кантианец, отрицательно относился к экстремистски-террористическим действиям и не одобрял поступка К. Занда, справедливо считая, что такие действия более препятствуют процессам демократизации общества, нежели им способствуют. Но и личного геройства и самоотверженности студента, его благородного и справедливого гнева по отношению к реакционеру без чести и совести не оценить он не мог. Потому так прекрасна и элегична смерть Георга Пепуша: в сверкающем утренней росой и благоухающем саду, открывающем бесчисленные разноцветные бутоны, вид отцветшего за одну ночь волшебной красоты огромного цветка кактуса с увядшей на его груди чашечкой тюльпана исполнен возвышенной прелести. Силы его и способности могли быть употреблены более разумно-действенно, много больше смог бы он принести пользы обществу героической жизнью, а не смертью. Совсем не случайно чертополох Цехерит гибнет у Гофмана смертью *Cactus'a grandiflorus*: буддизм используется писателем во всем пространстве сказочного мира. Заслужил этот герой перевоплощение из скромного растения вида *Carduus nutans* семейства *Compositae* чертополоха в *Cactus grandiflorus* (или *Carnegiea gigantea*) семейства *Cactaceae*. Облагороженная поведением чертополоха карма привела его к метаморфозе, но превратился он хотя и в значительно более грандиозное и великолепное, а не просто попадающееся под ногами невзрачное и вызывающее опасение растение. Растение так и осталось растением, и даже стать человеческим существом Пепуш своим подвигом не удостоился.

Список литературы

1. Гофман Э. Т. А. Повелитель блох // Э. Т. А. Гофман. Избранные произведения: в 3 т. Т. 2. М., 1962.
2. Гофман Э. Т. А. Житейские воззрения кота Мура ... // Э. Т. А. Гофман. Крейсериана. Житейские воззрения кота Мура. Дневники. М., 1972.
3. Гофман Э. Т. А. Известие о дальнейших судьбах собаки Берганца // Э. Т. А. Гофман. Собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М., 1991.
4. Кант И. Основы метафизики нравственности // И. Кант. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4 (1). М., 1965.
5. Кант И. Метафизика нравов в двух частях. 1796 // Там же. Т. 4(2). М., 1965.
6. Кушнер А. С. Стихотворения. Л., 1986.
7. Сафрански Р. Гофман. М., 2005.
8. Э. Т. А. Гофман. Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / сост., автор предисл., послесл. и вступ. текстов к разделам Клаус Гюнцель; пер. с нем. Т. Клюевой. М., 1987.

Об авторе

Калинников Леонард Александрович — д-р филос. наук, проф. кафедры философии исторического факультета Балтийского федерального университета им. И. Канта, kant@kantiana.ru

About author

Prof. Leonard A. Kalinnikov, Department of Philosophy, Faculty of History, Immanuel Kant Baltic Federal University, kant@kantiana.ru